

Категория «богатства» и его методологическое значение в контексте глобальных изменений

Лемещенко П. С.,
доктор экономических наук, профессор,
Белорусский государственный университет,
г. Минск

(Сб-к научн. трудов / Матер. Междунар. научно-практ. конференции, г. Волгоград-
Волжский, мая 2013 г. – Волгоград, 2013)

Экономическая наука как специфическая форма общественного сознания в целом возникла как наука о богатстве. Именно определенный акцент той или иной стороны этого хозяйственного феномена выступал критерием и основой, чтобы дать целое научное направление, устойчиво закрепившееся в истории мысли: меркантилизм, теория физиократов, классическая политэкономия, неоклассика и т.д. Именно размытость понимания категории «богатства» сегодня, по существу, выступает серьезной, если не основной причиной, и «размытости», калейдоскопичности и даже некой деструктивности современной экономической науки. Деструктивность ее, прежде всего, гносеологическая, поскольку она не дает ответа на главный вопрос: а что все-таки является главным элементом богатства человека не просто как индивида-потребителя, а как человека деятельного, познающего, творящего, социума? Дело в том, что природа не любит пустоты и отсутствие многих узловых «человеческих» вопросов современности очень быстро и довольно успешно заполняются квазикатегориями получившей широкое распространение экономики-лженауки. Но если экономическая наука, политэкономия всегда отражала в себе социальный заказ и политический контекст, то сегодня границы нравственности у представителей этой части «аналитиков» определяются исключительно финансово-денежными формами богатства. Необъяснимый парадокс, но факт – акции и другие «ценные» (?) бумаги выступают залогом для кредитных операций, что служит материальной основой кризисов. В результате деривативы кратно превысили мировой ВВП, создав критическую ситуацию катастрофы для современной экономики. Элемент рыночной «несправедливости» в том, через иррациональные формы богатства перераспределяются реальное богатство не в соответствии с долей вклада в общественное богатство. Например, банки США «дают» 7-8% ВВП страны, а перераспределяют порядка 60%. Этому способствуют и выводы теории, поскольку даже Нобелевские лауреаты (конечно, далеко не все) считают, что научные выводы вообще не должны нести в себе познавательное начало и вести к истине. Главное, чтобы они должны полезны. Но полезны кому: обществу в целом, труду, производительному капиталу или отдельным влиятельным группам, формирующим институциональные правила и среду?

Первая целостная политико-экономическая картина представлена классической школой, потому что в ней было определено место и значение «богатства народов». Используя традиции естественных наук и особенно ньютоновской физики, классики предложили воспринимать хозяйственный мир как *мир богатства*. Но не только природно-физического, сколько человеческо-трудового. В достижении и превращении форм богатства, его распределение они искали универсальные объективные законы и закономерности, на основе которых стремились объяснить и предвидеть основные тенденции экономического развития. Объяснение источника богатства с точки зрения труда заложило новую норму поведения – *стоимость*, которая провела грань между экономической эффективностью и справедливостью. В стоимости, кроме всего прочего, фиксировалась социальная, экономическая, правовая и нравственная основа

взаимодействия членов общества, значимость которых определялась трудовым участием, а не сложившейся кастово-сословной дифференциацией. Элементы же стоимости, на которые она распадается ($c + v + m$), дают общепризнанное основание на фонд возмещения, пропорцию распределения вновь созданной стоимости на необходимый и прибавочные ее части. И капитал, кстати, при всем его устремлении изменить эту пропорцию в свою пользу, наталкивался на общественное сопротивление к этому изменению как со стороны церкви, влиятельной элиты и даже правовой системы.

Свое дальнейшее развитие классическая школа получила в марксизме. Здесь не только сохраняется, но под влиянием гегельянства усиливается установка на сущность, закон, закономерности смену стоимостных форм богатства и отношений, в конце концов, на *теорию*, в которой задача дополняется поиском внутренних причин саморазвития капитала. *Новизна подхода состоит в объединении исторического и логического*, в чем проявился ответ марксизма на вызов исторической школы. Введенный марксизмом принцип историзма позволяет общий, универсальный характер законов модифицировать в законы специфические, определив тем самым границы действия этих общих законов и своеобразие их проявления. В свою очередь был преодолен и «порок» «старой» исторической школы, которая утопала в массе различных фактов хозяйственного бытия, где богатство воспринималось хотя и более содержательно, но все же совсем целостно. Ведь сумма ресурсов отдельных индивидов не есть общественное богатство в целом. Но все же историческая школа обогатила политэкономическое знание. Представители этого направления стали родоначальниками антисциентистской традиции в экономике, ориентирующую исследователя прежде всего на богатую фактами гуманитарную основу экономического знания. Для них экономика – это, прежде всего, мир хозяйства, опосредованный историко-культурными ценностями. Знаменитый «спор о методе» особенно остро проявившийся в полемике между Г. Шмоллером и К. Менгером не привел к утверждению нового методологического канона, однако дал импульс к расчленению единой науки об экономике на две части: первую, утверждающую в познании абстрактные дедуктивные начала («рикардианский порок»), и вторую, отстаивающую целостность, специфичность и многообразие хозяйственных культур («шмоллеровский порок»).

Новый парадигмальный сдвиг связан с возникновением маржинализма. *Мир хозяйствующего субъекта*, который сам активно вовлечен в экономическую деятельность, был положен в основу познания происходящих процессов. Поиск объективных, сущностных, причинно-следственных связей был заменен поиском функциональных связей на уровне явлений, которые выступают результатом деятельности хозяйствующих субъектов. Общая картина социально-экономического мира неоклассиками была редуцирована до уровня среднестатистического экономического агента, имеющего определенный набор предпочтений и корыстные мотивы максимизации полезности в поведении. После выхода в свет работы А. Маршалла учебная дисциплина «политэкономия» заменяется «экономикой» с ее позитивистской философией и аналитическим технико-функциональным аппаратом. Это понятие стало символом названия и новой науки. Отныне стали апеллировать не столько к экономической науке, сколько к науке как процессу в освоении познанием уже более узкого экономического поля. Последняя у неоклассиков складывается из отдельных «коротких цепочек» частных отдельных теорий, охватывающих короткие промежутки времени, на что ориентировала философия позитивизма.

Примечательно то, что, определяя экономическую теорию «ящиком инструментов», неоклассики способ выбора инструментов вообще не относят к компетенции науки, а в большей степени ориентируют на Здравый Смысл исследователя. К этому надо еще добавить, что целостное теоретическое (политико-экономическое) знание в начале 20 в. начало трансформироваться в ряд таких самостоятельных специальных наук, как политология, менеджмент, социология, экономическая история, история экономических учений. Таким образом, под влиянием научных специализаций и

использования в производстве экономического знания частных методов экзотерической направленности это знание приобретает черты калейдоскопичности, фрагментарности и статичности. Из этих фрагментарных «лоскутков» невозможно воспроизвести целостный образ, целостную политико-экономическую и социальную картину в целом, но богатства страны, мира и даже отдельного индивида.

Теория Дж. Кейнса под влиянием противоречий, существующих в реальности и в знании, расширила горизонты анализа, но уже за счет изменения в «защитной» оболочке. *Мир активного деятельного субъекта* – так можно охарактеризовать теоретический подход Кейнса и его последователей. Включение в исследовательское поле агрегированных (!) макроэкономических проблем наметило *сближение* неклассической и марксистской теорий.

Разного рода остроты и глубины проблемы реальности, логические парадоксы активизировали во второй половине прошлого века деятельность как традиционных, так и новых научных школ и направлений: нео- и посткейнсианства, институционализма и нового институционализма, неошумпетерианства и радикальной политэкономии, международной политэкономии и футурологии. Однако эта пестрота мнений снова потребовала обращения к философско-методологическому основанию экономической науки, поскольку не хлебом единым жив человек, это, во-первых. Во-вторых, природно-экономические факторы, безусловно, имеют значение в формировании богатства нации. Но эти факторы при экологических ограничениях все-таки лежат в основании экономической системы. Конец 20-го и начало 21 веков выявили парадоксальный факт: чем большим природным богатством обладает страна, тем она беднее в экономическом отношении в целом. В-третьих, сформировалась мир-экономика серьезно подчинившая соответствующими международными институтами, метакапиталом и пр. индивидуальные предпочтения и мотивы. Поэтому в 80-е годы философско-методологические дискуссии переросли в методологический бум, в которой явно просматривается идея формирования метапарадигмы на междисциплинарной основе.

Итак, никто не станет отрицать того, что современная хозяйственная система представляет целостное образование, которое пронизано различной степенью интенсивности отношений и взаимосвязей людей, фирм, других институциональных структур. Глобальная информационная сеть, возникшая вслед за торговой транспортной, электрической и финансовой усилило интеграцию мировой системы, отдельных регионов, сфер деятельности. Возросла степень зависимости поведения экономических аспектов, как по эндогенному, так и по экзогенному направлениям не столь от национальных, сколько от наднациональных институтов. Своими созданными международными институтами природное и экономическое богатство отдельных стран уже не может считаться и использоваться в интересах населения стран. Об этом хорошо свидетельствуют данные ВВП стран по обменному курсу и паритету покупательной способности. Иначе говоря, то, что произведено и то, что произведено в странах менее развитых никогда не совпадает. К тому же факторы развития и роста переместились в область отношений и научно-информационного ресурса. Опуская многие очень важные и уже достаточно отработанные теорией аспекты «новой экономики», приведем лишь один пример. Подсчитано, что каждый пункт IQ нации повышает ВВП на 229 долл, а каждый IQ самых сильных умов интеллектуальных элит нации – на 468 долл.

Наконец, последнее. Современная политико-экономическая и социально-финансовая среда создала удивительные условия неопределенности и повышенного риска сохранения и умножения богатства. Это дестимулирует производственное начало современной экономики. Капитал сам нарушил священные права защиты и сохранения частной собственности. Пожалуй, большевикам и не снились те размеры богатства, которые экспроприируются у частных лиц, например, в период кризисов. П. Кругман, анализируя первый период общего кризиса 2008 г., в книге «Возвращение великой депрессии» приводит расчеты, согласно которым рядовые американцы «потеряли» 8 трлн.

долл, а банки лишь 1 трлн, хотя кризис, как известно, был денежно-финансовый. Это же касается и помощи по выходу из кризиса, которая была оказана из известных и не очень известных источников банкам и другим финансовым структурам. Кроме всего прочего за долги реальные активы даже крупных производственных корпораций в соответствии с действующими юридическими нормами перешли в собственность финансовых корпораций. Дж. Кеннеди-старший, понимая эту проблему сохранения богатства на себе, еще до войны писал, что я отдам половину богатства тому, кто раскроет мне секрет, как сохранить другую ее часть. Сегодня эта ситуация неустойчивости резко обострилась, а капитал усилил свою рантьерскую ориентацию, чем подорвал не только права частной собственности, но и ту активную экономическую среду, новую производительную силу, которую ранее мог формировать и это практически делал институт рынка. Принципиально новые производственные возможности для развития стран имеют институциональные условия и социальный капитал, ориентирующие на качество формирования и использования возможностей человеческого потенциала и того, что ранее называли производственными отношениями. Но если ранее, т.е. при социализме планировали с той или иной степенью погрешностью производительные силы, то сегодня назрела задача планировать институты и производственные отношения. Это сделает будущее того же бизнеса более определенным, а, например, планирование форм и систем заработной платы (не ее размеров неопределенных) позволит выстроить и работодателю, и работнику необходимую и внутренне признаваемую систему приоритетов поведения. Ведь богатство страны и мира в целом прирастает не просто человеком, а Человеком нравственным, внутренне отражающим и признающим современную эпоху.